

ИСТОРИИ,

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ 1

18+

★ МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО ★

Желько Максимович
Истории, На диком западе 1

«Автор»

2026

Максимович Ж.

Истории, На диком западе 1 / Ж. Максимович — «Автор», 2026

Это увлекательный юмористический вестерн, повествующий о приключениях Гойко Пистолет, закалённого стрелка на Диком Западе. Его жизнь наполнена опасностями, странными случайностями и абсурдными ситуациями, но всё меняется после письма от бывшей возлюбленной Шеннон О'Брайен. Гойко вынужден отправиться в путешествие, чтобы помочь ей, столкнувшись с неожиданными испытаниями: непослушным сыном Билли, агрессивной козой Беатрис и целой чередой комичных и опасных событий. Книга сочетает динамичный сюжет, живые диалоги и искромётный юмор, раскрывая внутренний мир героев и их непростые взаимоотношения. Это история о любви, доверии, ответственности и том, что иногда самые сложные задачи оказываются самыми ценными уроками жизни. Для читателя открывается мир Дикого Запада, где смелость, находчивость и чувство юмора — ключ к выживанию и настоящему счастью.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

Истории, На диком западе 1

Глава 1: Письмо, от которого пахнет неприятностями

Пролог: Утро, которое не задалось

В жизни каждого уважающего себя стрелка на Диком Западе наступает момент, когда он просыпается и понимает: сегодня будет дерьмовый день. У Гойко Пистолет такое случалось с пугающей регулярностью — примерно раз в два дня, если не чаще. Но то, что началось этим утром, переплюнуло даже его, казалось бы, бездонные, запасы цинизма.

Солнце только-только начало пробиваться сквозь грязные, давно не мытые окна его комнаты в пансионе Усталая Кобыла, вырисовывая в воздухе танцующие пылинки. Гойко лежал на скрипучей кровати, уставившись в потолок, где чья-то заботливая рука нарисовала углём неприличную картинку, и размышлял о бренности бытия. Вчера он проиграл в покер двадцать долларов, и это ещё полбеды. Беда была в том, что он проиграл их Кривоглазой Джейн, которая согласилась принять ставку... натурой. Теперь он должен ей особый вечер, а Джейн, как известно, не брала денег, но брала всё остальное.

— Гойко! — раздался визгливый голос миссис Хадсон, хозяйки пансиона, снизу. — Тебе письмо! И, ради всего святого, избавься уже от этой дохлой змеи под кроватью! Воняет на весь квартал!

Гойко вздохнул и перевернулся на другой бок, пытаясь вспомнить, какая именно змея. Ах да, гремучая, которую он принёс из салуна вчера, чтобы похвастаться перед пьяным ковбоем. Ковбой, кстати, был впечатлён и даже предложил обменять змею на осла. Сделка не состоялась, потому что осёл оказался чужим.

— Иду, мать твою за ногу, — пробормотал Гойко, натягивая пыльные штаны и сапоги, один из которых был на левую ногу, а второй — просто дырявый.

Он спустился вниз, перешагивая через третью ступеньку (которая проваливалась, если на неё наступить), и забрал у миссис Хадсон конверт. Хозяйка брезгливо держала его двумя пальцами, словно это была дохлая мышь.

— От кого это? — спросила она с подозрением. — Только не говори, что ты задолжал ещё и почтальону.

— Если бы я задолжал почтальону, он бы пришёл лично и приставил дробовик к моей голове, а не посылал письма, — резонно заметил Гойко. — Это слишком дорогое удовольствие.

Он взглянул на конверт. Имя отправителя было написано аккуратным, изящным почерком, которого он не видел уже много лет. Сердце Гойко сделало кульбит и застряло где-то в районе кадыка.

Шеннон О'Брайен.

Гойко моргнул. Потом ещё раз. Он даже понюхал конверт, ожидая учуять запах жжёной резины, взрывчатки или, на худой конец, женских духов. Пахло только старой бумагой и пылью.

— Для меня? — переспросил он у пустоты. — Кто будет мне писать? И зачем мне писать? Должно быть, какая-то ошибка.

Его мозг, привыкший решать проблемы исключительно с помощью кулаков и револьвера, начал лихорадочно перебирать варианты.

Вариант первый: Она хочет вернуть старый долг. Исключено. Шеннон никогда ничего не должна была, а если и была, то он сам был должен ей по гроб жизни за тот случай в Скалистых горах, когда он чуть не подорвался на собственной динамитной шашке.

Вариант второй: Она вышла замуж за богатого скотовода и теперь хочет похвастаться. Маловероятно. Шеннон была не из тех, кто хвастается. Она была из тех, кто стреляет без предупреждения.

Вариант третий: Она в беде. И это был самый вероятный, а значит, самый опасный вариант.

Гойко разорвал конверт и вытащил сложенный в несколько раз лист бумаги. Почерк был нервным, с пятнами от слёз (или, что более вероятно, от пролитого виски). Он начал читать, и его лицо медленно вытягивалось, как лошадиная морда на жару.

Письмо

Дорогой Пистолет Гойко...

Да, я знаю, как это глупо звучит. Пистолет — это не имя, это прозвище. Но ты же знаешь, как я люблю давать прозвища. Помнишь, я называла тебя Мой маленький кактус? И ты злился. А потом мы ограбили тот дилижанс, и ты сказал: Зови меня просто Пистолет, это звучит хотя бы угрожающе. С тех пор так и повелось.

Смотри, по-настоящему, для меня это было трудно. Я больше не знаю, сколько раз я писала это письмо, бросала его в корзину и переписывала. Корзина, кстати, теперь полна, и мой сосед, старый мистер Уилкинс, думает, что я сочиняю любовный роман. Если бы он только знал, что в этом романе фигурирует человек, который однажды поджжёт бар, чтобы отвлечь бандитов, а потом случайно поджжёт себя.

Это я. И я думаю, ты знаешь, кто я. Если нет, то ты тупее, чем я помню. А я помню тебя очень хорошо. Особенно твою привычку хранить запасную пулю в ухе. Это было... гигиенично.

Я знаю, ты скажешь, что в последний раз, когда мы виделись, это было не очень хорошо с моей стороны. Я наговорила гадостей, разбила твою любимую бутылку с Огненной водой и, кажется, пригрозила кастрировать тебя острой ложкой. В то время я была в ярости и не могла себя контролировать. Но, знаешь, твоя шляпа, которая, как оказалось, принадлежала моей сестре, всё ещё висит у меня в прихожей. Я думала сжечь её, но она оказалась очень удобной, чтобы складывать туда грязное бельё.

Я никогда не говорила тебе, но я не равнодушна к тебе. Да, я сделала много ошибок. Например, вышла замуж за того торговца лошадьми. Или, например, не вышла за тебя. Ты как тот засохший кусок хлеба, который лежит на столе, и вроде бы есть не тянет, но выбросить — жалко. Вот ты и есть тот самый кусок хлеба.

Да, я сделала много ошибок, и мне очень жаль. Наконец-то я поняла, что пришло время внести изменения в мою жизнь. Я перестала пить уксус по утрам, бросила курить опиум (почти) и даже завела козу. Её зовут Беатрис. Она злая.

Ко мне приходят истории, да часто... я завидовала всем этим женщинам, которые проходят через твою жизнь каждый день. Танцовщицы из салуна, вдовушки, фермерши, индейские скво, даже та сумасшедшая, которая выдавала себя за почтовую лошадь. Ты, кажется, даже с ней нашёл общий язык. Я завидую им, потому что они могут видеть твою дурацкую улыбку, а я — нет. И я злюсь, потому что твоя дурацкая улыбка — это единственное, что я помню.

Надеюсь... чтобы ты мог простить меня... и я очень хочу тебя видеть. Если бы ты мог уделить мне немного времени... Я знаю, это наглость. Но что я теряю? Всё равно у меня уже есть коза, и она меня не осуждает.

Если ты придёшь, я обещаю, что не буду кидаться в тебя посудой. По крайней мере, без предупреждения.

Твоя (наверное),

Шеннон.

P.S. Если ты не придёшь, я приду к тебе. И я приведу Беатрис. Она кусается. Подумай об этом.

Гойко прочитал письмо три раза. Первый раз — чтобы понять, второй — чтобы осознать, третий — чтобы убедиться, что он не спит и это не плод его разыгравшегося воображения после неудачной партии в покер и избыточного употребления самогона.

Он аккуратно сложил письмо и сунул его во внутренний карман жилетки, туда, где обычно лежала запасная обойма. Потом он посмотрел на своё отражение в мутном зеркале при входе. Из зеркала на него смотрел мужчина лет тридцати пяти с небольшим, щетинистым лицом, уставшими глазами и шляпой, которая видала лучшие дни. И, возможно, лучшие войны.

— Какой сюрприз, — сказал он своему отражению. — Старая подружка попросила меня об одолжении. Интересно, что на этот раз? Убить её мужа? Поджечь её дом? Или просто выгулять её проклятую козу?

Он усмехнулся. Жизнь на Диком Западе была непредсказуемой, но одно оставалось неизменным: если Шеннон О'Брайен звала, значит, быть беде. Или приключениям. А для Гойко Пистолет это было одно и то же.

Он направился к выходу, на ходу проверяя револьвер. Барабан был полон, курок взведён, а в душе царило то самое чувство обречённого спокойствия, которое посещает человека, собирающегося прыгнуть в клетку со львами, потому что ну а чё, скучно же.

— Миссис Хадсон! — крикнул он уже в дверях. — Я уезжаю по делам. Если я не вернусь через неделю, продайте мои вещи и купите себе новую шляпу. Ту, с перьями, которую вы хотели.

— А с долгами что?! — донёсся визг хозяйки из кухни.

— Впишите их в счёт за змею! — крикнул Гойко, захлопывая дверь.

Он вышел на пыльную улицу городка Санта-Файв, где утро уже вступило в свои права, а это значило, что кто-то где-то уже начал бухать, кто-то — воровать, а кто-то — пытаться продать индейцам ледяные скульптуры (что было, мягко говоря, проблематично в пустыне).

Гойко посмотрел на солнце, прищурился и направился к конюшне. Впереди была долгая дорога. Дорога, которая вела к той, что звалась Шеннон. Дорога, которая обещала либо приключения, либо пулю в лоб. А может, и то, и другое.

— Чёрт, — сказал он сам себе. — Я же не люблю коз.

Эпилог: Барометр неприятностей

Пока Гойко седлал свою лошадь, старую, хромую, но чертовски преданную кобылу по имени Марфа, он заметил, что в городе творится что-то странное. Обычно сонное утро вдруг наполнилось криками.

На главной площади собралась небольшая толпа. Какой-то мужик в цилиндре размахивал руками и что-то вещал. Гойко прислушался.

— Индейцы, говорю вам! Индейцы снялись с резервации! Они идут на нас! — кричал он. — Готовьтесь к войне!

Толпа загудела. Кто-то побежал за ружьями, кто-то — за самогоном (на всякий случай), а кто-то просто сел на землю и заплакал.

Гойко лишь покачал головой. Он слышал такие крики раз в полгода. Обычно всё заканчивалось тем, что индейцы приходили, выменивали несколько одеял на виски и уходили обратно. Но этот крикун в цилиндре был необычайно убедителен.

— Эй, Гойко! — окликнул его толстый Ник, владелец салуна, вытирая жирные руки о фартук. — Ты слышал? Индейцы! Может, останешься? Поможешь город защищать?

— Ник, — спокойно ответил Гойко, взобравшись на лошадь. — Я бы с радостью, но меня ждёт старая подруга. А это, поверь мне, страшнее любого индейца вместе взятого.

Ник понимающе кивнул.

— Бывшая?

— Хуже. Настоящая.

Гойко пришпорил лошадь, и Марфа, недовольно фыркнув, потрусила прочь из города, оставляя за спиной пыльный след. Впереди была дорога, полная надежды, опасности и, возможно, той самой женщины, которая однажды чуть не вышла за него замуж. Но даже если она хотела его просто убить, Гойко был согласен. Потому что на Диком Западе, когда тебе приходит письмо с признанием, это всегда либо к деньгам, либо к трупу.

Он ехал и напевал старую песню про койота и луну.

Этот день точно не задался. Но, чёрт возьми, это было чертовски интересно.

Глава 2: Встреча с Шеннон, или Добро пожаловать в ад, Гойко

Пролог: Дорога длиною в воспоминания

Дорога до ранчо Шеннон заняла у Гойко почти два дня. Два дня пыли, жары, москитов и философских размышлений о том, какого чёрта он вообще попёрся через полштата, чтобы встретиться с женщиной, которая однажды разбила ему сердце, а заодно и любимую кружку.

Лошадь Марфа, старая, хромая и обидчивая, то и дело фыркала и пыталась сбросить седока. Ей явно не нравилась эта поездка. Она была лошадкой городской, привыкла стоять в конюшне и жевать овёс, а не трястись по каменистым тропам под палящим солнцем.

— Давай, Марфа, — подбадривал её Гойко, хлопая по шее. — Ещё немного, и ты сможешь отдохнуть. Там, возможно, даже дадут морковку. Или виски. Если повезёт.

Марфа в ответ закатила глаза. Лошадиный аналог человеческого отвали.

Гойко размышлял о прошлом. Он и Шеннон познакомились лет семь назад, когда он только начинал свою карьеру решателя проблем. Она была дочерью местного скотовода, дерзкой, красивой и опасной. Она могла выпить под стол любого ковбоя, оседлать дикую мустанга и при этом выглядеть так, будто только что сошла с обложки журнала для джентльменов.

Их роман был бурным, коротким и закончился так же внезапно, как начинается перестрелка в салуне. Гойко сделал ей предложение, а она... она рассмеялась ему в лицо.

— Выходить за тебя? — сказала она тогда, стоя на крыльце своего дома. — Ты даже свою собственную жизнь не можешь организовать, Гойко. У тебя нет ни гроша за душой, ты спишь в пансионатах, где водятся крысы, и твоя единственная собственность — это дырявый сапог и старый револьвер. Как ты собираешься содержать жену?

— Но я люблю тебя! — возразил он, чувствуя себя полным дураком.

— Любовь не накормит, — отрезала она. — И не защитит от индейцев.

Она вышла замуж за торговца лошадьми. Гойко уехал из города, поклявшись, что больше никогда не позволит женщине разбить ему сердце. Он сдержал слово. Теперь у него было разбито только левое лёгкое (после неудачной драки) и гордость.

И вот теперь он ехал к ней. Потому что она написала. Потому что она сказала прости. Потому что... ну, чёрт возьми, у него не было других планов на эту неделю.

Часть 1: Прибытие

Ранчо Шеннон стояло на краю долины, у подножия скалистого хребта. Это было небогатое, но крепкое хозяйство: дом из брёвен, пара сараев, загон для скота и небольшой огород, который выглядел так, будто его поливали исключительно слезами разочарованных фермеров.

Гойко подъехал к воротам. Калитка была сломана и держалась на честном слове и куске верёвки. Он спешил, привязал Марфу к столбу (который тут же угрожающе накренился) и направился к дому.

Сердце колотилось как бешеное. Он не был так взволнован с тех пор, как в последний раз пытался украсть индейскую лошадь и чуть не лишился скальпа.

Дверь открылась до того, как он успел постучать.

На пороге стояла Шеннон О'Брайен.

Она почти не изменилась. Такие же огненно-рыжие волосы, собранные в небрежный пучок на затылке, те же зелёные глаза, которые могли смотреть одновременно с вызовом и сожалением, те же веснушки на носу. Правда, она немного похудела, и под глазами залегли тени — то ли от бессонницы, то ли от тяжёлой жизни, то ли от того и другого вместе.

На ней было простое коричневое платье, заляпанное грязью, и фартук, который когда-то был белым. В одной руке она держала полотенце, в другой — нож для чистки картошки. Женщина, которая умела убивать, но предпочитала готовить.

— Привет, Гойко, — сказала она спокойным голосом, но Гойко заметил, как дрогнули её пальцы.

Гойко попытался изобразить непринуждённую улыбку, но получилась кривая гримаса.

— Шеннон... — выдохнул он.

Повисла пауза. Настоящая, густая, как патока, пауза. Слышно было, как где-то в сарае курица снесла яйцо и радостно закудаhtала. Гойко подумал, что эта курица счастливее его.

— Давно не виделись, — наконец произнёс он, чувствуя себя идиотом.

Шеннон кивнула, не сводя с него глаз. Она изучала его. Оценивала. Вспоминала.

— Давно, — согласилась она. — Пять лет? Шесть?

— Семь, — поправил Гойко. — Прошло семь лет, три месяца и... примерно две недели.

Она удивлённо приподняла бровь.

— Ты считал?

— Не считал, — соврал Гойко. — Просто... хорошая память.

Шеннон усмехнулась. Это была та самая усмешка, от которой у Гойко когда-то подкашивались колени. Она не изменилась.

— Заходи, — сказала она, отступая в сторону. — У меня есть кофе. И немного виски. И пирог с яблоками. Но пирог я, кажется, пересолила.

— Звучит как приключение, — ответил Гойко, переступая порог.

Часть 2: Разговор на кухне

Кухня в доме Шеннон была уютной, но запущенной. На столе стояла грязная посуда, на плите что-то подгорало, а в углу висела клетка с попугаем, который, судя по всему, был пьян в стельку.

— Не обращай внимания на Педро, — сказала Шеннон, заметив взгляд Гойко на птицу. — Он надрался вчера. Я дала ему немного рома, чтобы он заткнулся.

— Попугай пьёт ром? — удивился Гойко.

— Все пьют ром. Даже куры. Особенно куры.

Гойко сел за стол, который угрожающе скрипнул под его весом. Шеннон поставила перед ним кружку с кофе и бутылку виски.

— Наливай сам, — сказала она. — Я не знаю, сколько ты теперь пьёшь.

— Столько же, — ответил Гойко, щедро плеснув виски в кофе. — Может, даже больше.

Она кивнула, словно ожидала этого ответа, и села напротив. Между ними стоял только стол, но казалось, что между ними лежит пропасть.

— Я получил твоё письмо, — начал Гойко, стараясь говорить спокойно. — Это было неожиданно.

— Я знаю, — ответила Шеннон, отводя взгляд. — Я долго думала, писать или нет. Сто раз садилась, сто раз рвала.

— Я заметил. Почерк был нервный.

Она улыбнулась, но улыбка вышла горькой.

— Я слышал... — начал Гойко, не зная, как подойти к главному. — Я слышал, что он... твой муж... умер?

Шеннон вздохнула. Она взяла свою кружку, сделала глоток и долго смотрела в окно, где солнце медленно клонилось к закату.

— Да, — сказала она наконец. — Он умер в прошлом году.

— Соболезную, — сказал Гойко. Искренне. Потому что, хотя он и ревновал её к этому человеку, он не желал ему смерти.

— Не стоит, — отрезала Шеннон. — Он был мудаком. Прости Господи.

Гойко поперхнулся кофе.

— Что?

— Ты слышал. Он был мудаком. Пил. Играл. Проиграл ранчо в покер. Я еле отбила его обратно. А потом он... ну, в общем, он упал с лошади. Пьяный. Сломал шею.

— Я... не знал, — сказал Гойко.

— Никто не знал. Я не распространялась. Зачем? Чтобы люди жалели меня? Жалость — это удел слабаков, Гойко. А я не слабачка.

Гойко кивнул. Он знал это. Шеннон была крепче, чем любой мужчина в радиусе ста миль.

— Теперь ты вдова, — сказал он, не подумав.

Шеннон посмотрела на него с таким выражением, будто он только что предложил ей пописать на могилу президента.

— Гениальное наблюдение, Гойко. Ты всегда умел подмечать очевидное. Тебе бы в сыщики пойти.

— Я просто... ну... констатировал факт.

— Факт, — передразнила она. — Слушай, я позвала тебя не для того, чтобы обсуждать моё вдовство. И не для того, чтобы... продолжить там, как ты, наверное, подумал, читая письмо.

Гойко почувствовал, как его лицо заливается краской. Он действительно подумал об этом. Ну, ладно, он надеялся на это. Немного. Ладно, много.

— Я не думал... — начал он оправдываться.

— Думал, — перебила Шеннон. — Я тебя знаю, Гойко. Ты думаешь одним местом. И это место — не голова.

Он открыл рот, чтобы возразить, но закрыл. Она была права.

— Ну, — сказал он, собираясь с духом. — И зачем же я тебе понадобился? Надеюсь, кого-то нужно убить? Или ограбить банк? Или, может, украсть стадо коров?

Шеннон улыбнулась. Но это была не добрая улыбка. Это была улыбка человека, который собирается попросить о чём-то крайне неловком.

— Нет, Гойко, — сказала она, ставя кружку на стол. — Всё гораздо хуже.

— Хуже? — переспросил Гойко, нахмурившись. — Что может быть хуже, чем ограбление банка?

— Мне нужно, чтобы ты присмотрел за моим сыном.

Гойко моргнул. Потом ещё раз. Потом ещё раз. Он посмотрел на бутылку виски, потом на Шеннон, потом снова на бутылку.

— Прости, — сказал он, потирая виски. — Я, кажется, ослышался. Мне послышалось, что ты сказала сын.

— Я сказала именно это, — подтвердила Шеннон, скрестив руки на груди.

— У тебя есть сын?

— А что, у женщин не бывает сыновей?

— Но... ты никогда не говорила...

— Мы не виделись семь лет, Гойко. Я могла родить за это время целую футбольную команду.

Гойко замолчал. Он попытался переварить эту информацию, но она застряла у него в горле, как сухой бисквит.

— И сколько ему? — спросил он осторожно.

— Шесть.

Гойко быстро посчитал. Семь лет прошло. Если сыну шесть... то получается...

— Он не твой, — быстро сказала Шеннон, словно читая его мысли. — Не надейся.

— Я и не надеялся! — слишком громко ответил Гойко. — То есть... я не... ну, просто уточнить хотел.

Шеннон закатила глаза.

— Его отец — тот самый мудака-лошадник. И я не прошу тебя забирать его навсегда. Всего на пару дней. У меня срочные дела, а оставить его не с кем.

— Дела? — переспросил Гойко, с подозрением прищурившись. — Какие дела?

— Женские, — отрезала Шеннон. — Тебя это не касается.

— А почему ты не можешь оставить его с соседями? С родственниками?

— Потому что я никому не доверяю, — честно ответила Шеннон. — А тебе... тебе я доверяю. Как бы глупо это ни звучало.

Гойко почувствовал, как в груди разливается тепло. Глупое, идиотское тепло.

— И что я должен делать? — спросил он, сдаваясь.

— Просто посиди с ним пару дней. Покорми его. Уложи спать. И, ради всего святого, не дай ему ничего острого в руки. У него мания — всё тыкать.

— Чем тыкать?

— Всем. Особенно ножницами.

Гойко посмотрел на Шеннон, на её серьёзное лицо, на её сжатые кулаки. Она нервничала. Она просила помощи. Женщина, которая никогда никого не просила ни о чём.

— Шеннон, — сказал он мягко. — Я же не нянька. Я стрелок. Я решаю проблемы. А не меняю подгузники.

— Ему шесть лет. Он не носит подгузники, — терпеливо объяснила Шеннон. — И ему не нужен стрелок. Ему нужен... ну, мужчина в доме.

— А почему я?

— Потому что ты единственный мужчина, который меня ни разу не предал.

Она сказала это так просто, без пафоса, без слёз. Просто констатировала факт. И это ударило Гойко сильнее, чем пуля.

Он вздохнул. Потом налил себе ещё виски. Потом выпил его залпом.

— Ладно, — сказал он. — Я сделаю это. Но у меня есть одно условие.

— Какое?

— Когда я вернусь, ты расскажешь мне, почему ты действительно меня позвала. Потому что присмотреть за сыном — это не та причина, ради которой женщина вроде тебя пишет письмо. Слишком уж всё просто.

Шеннон улыбнулась. Но это была странная улыбка. Улыбка человека, который знает больше, чем говорит.

— Хорошо, — сказала она. — Когда вернусь, я расскажу. Если вернусь.

Гойко поперхнулся.

— В смысле — если?

Но Шеннон уже встала и направилась к лестнице.

— Пойду разбужу его, — сказала она. — Познакомлю вас. Только предупреждаю: он стесняется незнакомцев. И он кусается. И он любит задавать неудобные вопросы. И он...

— Шеннон, — перебил Гойко. — Ты описываешь ребёнка или дикое животное?

— А есть разница? — усмехнулась она, исчезая в дверях.

Гойко остался один. На кухне. С полупустой бутылкой виски, подгоревшим пирогом и чувством, что его только что завербовали в армию, которой нет.

— Гойко, ты идиот, — сказал он сам себе. — Ты продался за спасибо.

Попугай в клетке икнул и прохрипел:

— Идиот!

— Заткнись, Педро, — бросил Гойко.

Попугай заткнулся.

Часть 3: Встреча с отродьем

Лестница скрипнула. Гойко поднял голову и увидел Шеннон, которая спускалась, ведя за руку маленькую фигурку.

Маленький Билли.

Так звали сына Шеннон, и, надо признать, имя было самым обычным в этом ребёнке. Потому что сам ребёнок был... необычным.

На вид ему было лет шесть. Рыжие вихры торчали во все стороны, как будто он сунул голову в розетку. Лицо было усыпано веснушками, как карта звёздного неба. Огромные зелёные глаза — точь-в-точь как у матери — смотрели на Гойко с выражением, которое нельзя было назвать иначе как изучающим.

Одной рукой он держал мать за подол, а в другой сжимал... ножницы. Большие, портновские ножницы.

— Билли, — сказала Шеннон ласково, но твёрдо, — положи ножницы.

— Не-а, — ответил Билли.

— Положи.

— Не-а.

— Я сказала — положи.

— А я сказал — не-а.

Шеннон вздохнула, выхватила ножницы из рук сына и сунула их за пояс.

— Знакомься, Билли. Это дядя Гойко. Он посидит с тобой пару дней.

Билли посмотрел на Гойко так, будто оценивал его на предмет того, сколько из него можно выжать денег.

— А он дурак? — спросил Билли громким шёпотом.

— Билли! — одёрнула его мать.

— Что? Ты сказала, что незнакомцы бывают дураками или ворами. Он похож на дурака.

Гойко почувствовал, как у него дёргается глаз.

— Я не дурак, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — И не вор.

— А на кого ты похож? — не унимался Билли.

— Я... решаю проблемы.

— Проблемы? — переспросил мальчик, и его глаза загорелись. — А какие у тебя есть проблемы? У меня, например, есть проблема: я хочу мороженое, а мама говорит, что его нет. Это ты можешь решить?

Гойко открыл рот, закрыл, открыл снова.

— Ну... мороженое — это сложно. Пустыня, знаешь ли. Мороженое тает.

Билли разочарованно вздохнул.

— Ты бесполезен, — заключил он.

Шеннон прыснула в кулак, но быстро сделала серьёзное лицо.

— Билли, будь вежлив. Дядя Гойко согласился помочь.

— А зачем ему помогать? — спросил Билли. — Ты ему заплатила?

— Нет, — призналась Шеннон.

— Тогда он дурак, — резюмировал мальчик. — Бесплатно помогают только дураки.

Гойко молчал. Он смотрел на этого шестилетнего монстра и понимал, что его ждут самые долгие несколько дней в жизни.

Шеннон наклонилась, поцеловала сына в макушку и прошептала:

— Слушайся дядю. Если он будет плохо себя вести, можешь его укусить. Но не сильно.

Билли кивнул с серьёзным видом.

— Я понял, мам.

Шеннон выпрямилась и посмотрела на Гойко. В её глазах читалось: Ну, удачи, придурок. Она тебе понадобится.

— Я вернусь через два дня, — сказала она. — Может, три. Если не вернусь, считай, что я умерла.

— В смысле — умерла? — взволнованно спросил Гойко.

— В прямом. Шучу, — улыбнулась она. — Наверное.

Она вышла, хлопнув дверью. И Гойко остался один на один с маленьким Билли, который смотрел на него с выражением, не предвещающим ничего хорошего.

— Ну что, дядя Гойко, — сказал Билли, уперев руки в бока. — Чем будем заниматься? У меня есть список: поджечь сарай, покормить ядовитую змею, украсть у соседа курицу.

Гойко тяжело вздохнул.

— А у тебя случайно не болит зуб?

Билли удивлённо заморгал.

— Нет. А что?

— Да так, — хмуро ответил Гойко. — Просто подумал, что было бы неплохо. Тебе — к врачу. Мне — тишина.

Билли широко улыбнулся. У него не хватало одного переднего зуба.

— Тишину я не обещаю, — сказал он. — Но могу обещать, что будет весело.

Гойко посмотрел в окно. Солнце садилось. Вечер обещал быть долгим.

А за ним — второй день. А может, и третий.

Гойко понял, что полученное письмо было не признанием в любви, а проклятием. И он добровольно на это согласился.

— Господи, — прошептал он. — За что?

— Он не поможет, — сказал Билли, подходя к столу и хватая кусок пирога. — Я с ним разговаривал. Он сказал, что у него выходной.

Гойко уронил голову на стол.

Эпилог: Знакомство с Беатрис

Не успел Гойко прийти в себя после знакомства с Билли, как дверь на кухню распахнулась, и в неё вбежала... коза.

— А это, — сказал Билли с гордостью, — Беатрис. Моя лучшая подруга.

Гойко поднял голову и встретился взглядом с козой. У козы были жёлтые глаза, кривые рога и выражение морды, которое говорило: Я видела твои грехи, и они смешны.

— Она кусается? — спросил Гойко, вспоминая письмо.

— Только если ей что-то не нравится, — ответил Билли.

— А что ей не нравится?

— Всё.

Коза Беатрис подошла к Гойко, обнюхала его сапог, фыркнула и... укусила его за штанину.

— Ай! — вскрикнул Гойко, отдёргивая ногу.

— Она тебя приняла, — одобрительно сказал Билли. — Если бы ты ей не понравился, она бы тебя укусила за ногу.

— А что она сейчас сделала?

— Проверяла на вкус.

Гойко посмотрел на козу. Коза посмотрела на Гойко. Между ними пробежала искра взаимной неприязни.

— Билли, — сказал Гойко, вставая. — У твоей мамы есть виски?

— Только то, что ты уже выпил, — ответил мальчик.

— А где ещё?

— В погреб. Но там крысы.

— Я справлюсь.

Гойко направился в погреб, чувствуя спиной взгляд козы. Он знал, что эта неделя войдёт в историю. В историю его падения, его позора и его проклятия.

Но, с другой стороны, Шеннон сказала спасибо. Ради этого можно было потерпеть.

Или нет.

Время покажет.

Глава 3: Железное кольцо, или Как Гойко потерял остатки достоинства

Пролог: Утро трудного дня

Гойко проснулся от того, что кто-то дышал ему прямо в лицо. Открыв глаза, он увидел козу Беатрис, которая стояла в двух дюймах от его носа и изучала его с выражением профессионального мясника, оценивающего тушу.

— Уйди, — прохрипел Гойко.

Коза не ушла. Вместо этого она лизнула его в лоб. Язык у козы оказался шершавым, как наждачная бумага.

— Я сказал — уйди!

Беатрис фыркнула, разбрызгивая слюну, и отошла лишь на шаг, явно давая понять, что уходит исключительно по собственной воле, а не из уважения к этому небритому типу.

Гойко сел на кровати и осмотрелся. Комната, которую выделила ему Шеннон, была крошечной: узкая койка, комод с оторванной ручкой, треснутое зеркало и ведро в углу для ночных нужд. На стене висела выцветшая фотография мужчины с подозрительно нервной улыбкой — видимо, покойный муж Шеннон, собственной персоной.

Гойко посмотрел на фотографию и почувствовал странное родство с этим человеком. Они оба попались в ловушку одной и той же женщины. Просто один не выжил.

Снизу донесся грохот, звон посуды и детский крик, от которого у Гойко заложило уши.

— ДЯДЯ ГОЙКО! ВСТАВАЙ! МЫ ОПАЗДЫВАЕМ В ШКОЛУ!

Гойко вздохнул. Он моргнул. Потом ещё раз.

— В школу? — переспросил он у фотографии на стене. — Она сказала присмотреть за ним. Она не говорила про школу.

Фотография мужа не ответила, только продолжала нервно улыбаться. Гойко решил, что этот парень умер от счастья, когда узнал, что больше не придётся вставать по утрам ради Билли.

Он натянул штаны, сунул ноги в сапоги (один из которых лизнула коза — сапог был мокрым и пах одобрением) и спустился вниз.

Часть 1: Завтрак перед бурей

На кухне царил хаос.

Билли сидел за столом и пытался надеть штаны на голову. Рядом стояла тарелка с кашей, в которую была воткнута ложка, стоящая торчком, как копьё индейца. Беатрис жевала занавеску. На плите что-то шипело и пахло горелым.

Гойко подошёл к плите, снял крышку с кастрюли и заглянул внутрь. Там варилось нечто, напоминающее чёрную резину.

— Что это? — спросил он.

— Каша, — ответил Билли, наконец-то стянув штаны с головы. — Мама сказала, что нужно завтракать. Я решил, что ты умеешь готовить.

— С чего ты взял?

— Ну, ты же взрослый.

Гойко посмотрел на кастрюлю, потом на Билли, потом снова на кастрюлю.

— Я умею готовить только яичницу.

— Тогда вари яичницу! — скомандовал Билли тоном, не терпящим возражений.

— Яичницу не варят. Яичницу жарят.

— Какая разница?

— Большая.

— Ладно, тогда жарь яичницу. И дай мне хлеба.

Гойко вздохнул, открыл погреб и с удивлением обнаружил там почти полную кладовку. Шеннон явно готовилась к осаде. Или к концу света. Или к тому, что к ней придёт в гости незванный гость, который не умеет готовить ничего, кроме яичницы.

Через двадцать минут, три разбитых яйца и один микро-пожар (Беатрис попыталась съесть горящую тряпку, и Гойко пришлось тушить её водой из ведра) завтрак был готов.

— Ну как? — спросил Гойко, глядя, как Билли жуёт подгоревший тост.

— Съедобно, — процедил мальчик с набитым ртом. — Но мама готовит лучше.

— Твоя мама вообще всё делает лучше, — буркнул Гойко.

— Ты сам это сказал, не я, — ловко ответил Билли.

Гойко признал поражение. Сын пошёл в мать: такой же боец с самого рождения.

После завтрака начался процесс сборов в школу. Это оказалось целой эпопеей. Билли не хотел надевать рубашку (она колется), отказывался от куртки (я и так замёрзну), возмущался, что его заставляют брать с собой яблоко (а если я не хочу яблоко?), и в итоге объявил забастовку, лёг на пол и начал изображать умирающего лебедя.

— Билли, — сказал Гойко, стараясь сохранять спокойствие. — Вставай.

— НЕ-А.

— Вставай, или я оставлю тебя здесь.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ! МАМА СКАЗАЛА ТЫ ДОЛЖЕН ЗА МНОЙ СМОТРЕТЬ!

— Я буду смотреть за тобой из окна!

— ТАК НЕЛЬЗЯ!

Беатрис подошла к лежащему Билли и лизнула его в ухо. Билли взвизгнул и вскочил.

— АЙ! ХВАТИТ!

— Спасибо, Беатрис, — сказал Гойко. — Ты единственная разумная женщина в этом доме.

Коза издала звук, подозрительно напоминающий ха!.

Когда Билли был наконец одет, обут, накормлен и снабжён яблоком (которое он спрятал в карман, поклявшись, что никогда в жизни его не съест), Гойко понял, что самое сложное ещё впереди.

Нужно было отвести ребёнка в школу.

А школа находилась в городе, до которого надо было ехать. И у Гойко была лошадь, которая хромала. И коза, которая не хромала, но упорно пыталась запрыгнуть на лошадь вместе с седоком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.